

## **ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В КРИТИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И СОЦИОЛИНГВИСТИКИ**

**Е.А. Найман**

**Аннотация.** Статья посвящена критике теории речевых актов (ТРА) со стороны лингвистических антропологов и конверсационалистов. Автор доказывает, что дискуссионные проблемы ТРА выявляют некоторые фундаментальные различия между аналитической философией и современной культурной и лингвистической антропологией. Особое внимание уделяется критике ТРА французским антропологом Мишель Розальдо, проводившей исследования над племенем илонготов. Цель исследователя состояла в понимании тех способов, благодаря которым языковое использование способно воспроизводить социальный порядок и понятие личности как его части. Розальдо критикует ТРА за излишнее внимание к понятию истины и верификации, понятию «намерение» в их теории интерпретации, а также теории личности. С точки зрения специалистов по конверсационному анализу, ТРА недостаточно внимания уделяет разговорным последовательностям. Изучая секвенциальную природу разговора, конверсационный анализ значительно углубляет наше понимание речи как продукта интеракции, расширяя контекст индивидуального речевого акта, исследуемого Остином и Серлем.

**Ключевые слова:** лингвистическая антропология; конверсационный анализ; теория речевых актов; язык в действии; социолингвистика.

### **Введение**

Теория речевых актов представляет собой развернутый философский подход к проблеме языка как действия. Несмотря на то что Остина и Серля нельзя называть основателями парадигмы, тем не менее, именно они начали разрабатывать обширный аналитический аппарат, объясняющий способ превращения языковых выражений в социальные действия. Влияние ТРА на современную философию, лингвистику, прагматику и антропологию невозможно подвергнуть сомнению. Однако, несмотря на высокий авторитет теории, в ряде своих методологических допущений она выглядит достаточно уязвимой. В работах современных антропологов и социолингвистов выдвигаются новые методологические подходы, способные значительно обогатить концепцию «языка как действия».

### **Методология**

В статье планируется систематическое обсуждение рецепции ТРА представителями двух наиболее влиятельных парадигм современ-

ной социолингвистики и лингвопрагматики – антропологической теории языка и конверсационного анализа. Методологической основой данной статьи выступили работы ведущих представителей западной лингвистической антропологии (Розальдо, Аппадурай) и конверсационного анализа (Сакс, Щеглофф, Померанц), активно использующих как этнографические методы, так и влиятельные философские и социологические теории в области гуманитарных наук (этнометодология, этнография речи, когнитивная социология, интеракционизм, дискурсивный анализ и др.). Объединяющим началом их подходов явились акцент на коммуникативных практиках как конститутивных основаниях языковой культуры повседневной жизни, а также рассмотрение языка не только как формы мышления, но, прежде всего, как формы социального действия и культурной практики.

### Дискуссионное поле

**Лингвистическая антропология vs ТРА.** Представители лингвистической антропологии заметили, что ТРА преимущественно основывается на примерах из англоязычной культурной традиции, которой присваивается универсальный статус. Одним из наиболее значительных критиков теории Остина и Серля была известный французский антрополог Мишель Розальдо, проводившая исследования на Филиппинах, наблюдая за племенем илонготов. В вышедшей после ее трагической смерти в горах статье «То, что мы делаем со словами: речевые акты илонготов и теория речевых актов в философии» (1982) [1] антрополог доказывала, что с помощью языка люди демонстрируют понимание их собственного уникального способа бытия в мире, а его использование в общении выражает особенности конкретной социальной системы. Это означает, что любая классификация речевых актов в обществе должна рассматривать их как часть культурных практик, воспроизводящих определенный тип социального порядка. Любой анализ речевых актов должен быть основан на информации о чувствах, мыслях и верованиях людей по поводу способов организации их жизненного мира. Конфронтация Розальдо с ТРА состоит в принципиально различном способе понимания целей лингвистической интерпретации. Если для Серля и других теоретиков целью анализа выступает создание метода, указывающего на достаточные и необходимые условия коммуникации (например, принцип искренности или постулаты общения П. Грайса), то для Розальдо и близких ей исследователей цель состоит в том, чтобы понять, каким образом определенное использование языка способно поддерживать социальный порядок и понятие личности («Я») в качестве его составной части.

Критике подвергаются три основных постулата ТРА: а) акцент на «истине» и «верификации», выраженный в формулировке условий искренности; б) особое внимание к намерениям говорящего в процессе общения при интерпретации речевых актов; в) теория личности («Я»), имплицитно содержащаяся в модели Остина и Серля.

Серль утверждает, что важнейшим условием успешности многочисленных речевых актов (например, поздравления) является искренность произносящего его человека. Одним из условий речевого акта утверждения выступает искренняя вера говорящего в истинность данного высказывания. В процессе произнесения обещания человек должен иметь искреннее намерение его выполнить. Розальдо показывает, что подобная искренность совершенно не свойственна илонготам и не может рассматриваться как универсальная стратегия речевого общения. К примеру, в языке илонготов соответствия ассертивным глаголам английского языка (*saying, speaking, giving news*) встречаются в риторических формах ораторской речи во время дебатов. Однако они связаны с установлением социальных отношений, а не с переживанием истинности каких-либо утверждений. Розальдо отмечает: «Илонготы используют отрицание и утверждение в дискурсе как средства установления ролевого взаимодействия» [1. С. 214].

Розальдо доказывает, что илонготы лишены концептуального репертуара, соответствующего акту обещания, рассматриваемого Серлем. Подобный акт в западном обществе предполагает искренность со стороны говорящего. У илонготов в момент обещания готовность выполнить какое-либо действие в будущем отделена от намерения его реально осуществить. Например, существуют ритуальные танцы, в которых участники клятвенно выражают обещание в будущем воевать со своими противниками при полном отсутствии гарантий его выполнения.

Для Серля «намерения» говорящего занимают центральное место в коммуникации. Намерение является важнейшим компонентом условия успешности речевого акта, необходимым для его рассмотрения в качестве действия. В процессе общения слушающий должен распознать намерения говорящего. Если же слушающий не понял намерения, то он переспрашивает, уточняя его. Розальдо полагает, что внимание к намерениям и их распознаванию адресатом предполагает слишком преувеличенную роль, отводимую индивидуальным действиям и их результатам. В этом случае «любые действия становятся исключительным достижением автономного “Я”, чьи действия существенным образом не сдерживаются взаимоотношениями и ожиданиями, которые определяют его локальный мир» [Там же. С. 204]. Такое рассмотрение социального действия оказывается необходимым для принятия логики аргументации Грайса и Серля. Однако индивиды не существуют атомарно, а вовлечены в социальный мир, с которым активно взаимодействуют. Француз-

ский антрополог полагает, что ТРА практически не рассматривает контекст межличностного взаимодействия.

Розальдо доказывает, что для илонготов социальные отношения являются более важной частью коммуникации, чем индивидуальные намерения. Их более всего заботят способы поддержания социальных взаимодействий, нежели реализация каких-либо психологических мотивов или личных желаний. Когда Мишель была рассержена на людей, которые, пообещав, впоследствии отказывались с ней работать, то они вовсе не собирались приносить ей свои извинения или проявлять какое-либо сожаление по поводу случившегося. Они дарили женщине подарки, которые могли бы смягчить ее гнев. Илонготы совершенно не задумывались над психологическим состоянием участников описанной ситуации. Все, что они хотели в этот момент, – это установить контроль над возможными последствиями ситуации, вызванной реакцией антрополога. В их задачу входила стабилизация ситуации всеми возможными способами. То, что происходило ранее, было для этих людей малозначимо. Илонготы не реконструируют свои или чьи-либо прошлые психологические состояния и не осознают их связи с новой текущей ситуацией. Их эмоции есть функции социального контекста, а не какой-либо непрерывной и целостной внутренней жизни. Отсутствие психологической автономии объясняет неразвитость чувства личной ответственности. В случившемся илонготы упрекают не себя, а внешних духов. Их личное «Я» тождественно общественному, а его переживание изменяется в зависимости от перехода от одного социального контекста к другому. Отсутствие интереса к фактическим деталям и реконструкции прошлых психологических состояний предполагает, по мнению Розальдо, совершенно иную теорию личности у илонготов.

Французский антрополог утверждает, что понятие «социальный актер» является культурно обусловленным, а не универсальным. Она полагает, что серлевская искренность и интенциональность соответствуют западному идеалу человеческой деятельности, акцентирующему внимание на психологическом состоянии говорящего, а не на социальной сфере. Главное предположение западной ТРА состоит в том, что «внутреннее Я непрерывно в течение времени» [1. С. 218] и представляет собой текущий поток переживаний, в котором существуют причинно-следственные связи между переживаниями, при которых одно переживание мотивирует остальные. Только принимая такую предпосылку, мы можем, применительно к говорящему, рассуждать об его искренности, ответственности и интенциональности.

Однако подобная предпосылка отнюдь не разделяется всеми существующими культурами. В то время как Остин и Серль выделяют индивидуальные мысли и намерения при интерпретации, культурная антропология, в лице К. Гирца, стремилась подчеркнуть разделение

между частным и публичным «Я», между индивидуальным и коллективным, присущее многим культурам. Лишним подтверждением этого является позиция индийского антрополога Аржуна Аппадурая, который в статье «Топографии Я: восхваление и эмоции в хинди в Индии» (1990) утверждает, что «похвала не является проблемой “прямой” коммуникации между “внутренним” состоянием людей, а содержит сложную систему общественных жестов и ответных реакций» [2. С. 93]. Именно благодаря им возникает некоторое «общее настроение», дающее возможность человеку почувствовать похвалу в контексте особого эмоционального фона окружающих. Исследователь отмечает: «Похвала – это сложная система отрегулированных и импровизационных практик, создающих это “общее настроение” (“community of sentiment”))» [Там же. С. 94]. Антрополог полагает, что человеческое «Я» не просто содержится «внутри» индивида. Наряду с этим, оно пребывает и в ритуальном интерактивном общественном поведении. Создание «общего настроения» говорит о том, что значения слов или действий не ограничено индивидуальным намерением. Смысл слов и действий зависит от культурных практик, населяющих сообщества.

Дискуссия Розальдо с ТРА выявляет некоторые фундаментальные различия между аналитической философией и современной культурной и лингвистической антропологией. Принимая положение о различии понятия «личность» в разных культурах, любая этнографическая дискуссия об использовании слов в процессе социального взаимодействия не ограничивается фактической реконструкцией речевого события, а стремится описать интерпретативные стратегии ее участников, при которой эта реконструкция станет более адекватной и уместной. Серль и Остин, начиная с допущения о «языке как действии», не проблематизируют само понятие «действие». Они допускают лишь статус «действия» как универсального измерения человеческого существования. Вопросы «кто делает, для кого и почему?» остаются за пределами теоретического рассмотрения. Этнографы же, в свою очередь, стремятся расширить философскую концепцию «действия», включая в нее понятие «личность», а также взаимоотношение между языковым использованием и культурно-обусловленными теориями истины, авторитета и ответственности. Контекстуальный анализ начинается с вопроса о том, какие вообще типы разговора в том или ином сообществе можно услышать и понять, а какие невозможно в принципе. Этнографическое изучение лингвистических практик, исходя из кросскультурных эмпирических исследований, помогает понять языковую активность как культурную практику. Несомненно, что ТРА придала значительный импульс развитию подобного понимания. Однако акцент, поставленный на индивидуальном речевом акте, индивидуальном высказывании и индивидуальном намерении, существенно сужает ее перспективы.

**Критика ТРА со стороны конверсационного анализа.** В 70–80 гг. прошлого века критику ТРА продолжили представители социолингвистики – конверсационалисты. Основное внимание в ТРА уделялось индивидуальному акту речи. Однако, как правило, людям свойственно вести разговоры друг с другом. Разговор – это важнейший способ их социализации, а также сохранения социальных связей. Представители конверсационного анализа уделили особое внимание структурным аспектам такого события, как разговор. Исследование разговора сразу же привело к пониманию того, что он организован в единицах, значительно превышающих индивидуальное высказывание, реплику или речевой акт. Разговор – это последовательность двусторонних реплик, образующих секвенцию. В связи с этим основатель конверсационного анализа Х. Сакс и его коллеги ввели методологически важное понятие «смежная пара» (*adjacency pair*), являющейся элементарным циклом разговора. В разговоре многие реплики возникают как пары, на основе которых выстраивается его последовательность. Все «сдвоенные пары» имеют общую структуру: 1) состоят из двух реплик приблизительно одинаковой длины; 2) произносятся разными людьми; 3) следуют друг за другом; 4) являются упорядоченными.

Необходимо отметить, что понятие «смежная пара» представляет собой очень важную инновацию относительно «речевого акта», предложенного Серлем и Остином. Смежная пара – более сложная единица анализа, чем единичное высказывание или речевой акт. ТРА берет за единицу анализа речевой акт, произведенный индивидом. Иллокутивная сила акта, и условия его успешности задаются и оцениваются независимо от других, особенно последующих, речевых актов. Однако анализ более крупных единиц, нежели речевой акт, как раз и создает возможность проникнуть в суть деятельностных аспектов языка, к которой стремилась ТРА. Если мы действительно хотим знать о том, что *делает* речь, то обязаны устремить нацеленный взгляд на реакцию слушателя и его ответные высказывания. Однако этот аспект теории ТРА оставляют без внимания.

В ТРА иллокутивная сила высказывания оценивается с точки зрения определенных условий, которые описывают типичный априорный контекст, связанный с высказыванием, оставляя без внимания его последствия или результаты. Это как раз то, что относится к перлокутивному акту, который из всех трех остиновских актов оказывается самым аналитически отсталым. Так, к примеру, в ТРА оценка кого-либо высказывания будет рассматриваться как комплимент, если присутствуют определенные сопутствующие условия. Серль и Вандервекен отмечают: «Высказать комплимент – означает выразить одобрение слушателя в чем-либо. Высказывание комплимента предполагает, что вещь, за которую слушателя похвалили, есть нечто хорошее, хотя для

слушателя она не обязательно является таковой. Мы можем, например, высказать комплимент кому-то за его героическое поведение или акт самопожертвования» [3. С. 215].

Условия, которые определяют Серль и Вандервекен, важны для различения между комплиментом и другими видами связанных речевых актов, например, похвалой. Однако они анализируют комплименты исключительно с точки зрения: а) оценки позитивной ценности «вещи», за которую хвалят, и б) уже существующих отношений между «вещью» и реципиентом. Анализ же комплимента как части сдвоенной пары позволяет по-новому и с другой стороны посмотреть на его последствия. К примеру, Анита Померанц, изучавшая комплименты в разговорах, показывает, что комплименты не только «выражают одобрение», а создают «проблему» для слушателей, сталкивающихся с конфликтом между двумя общими принципами интеракции: предпочтением согласия и избеганием самовосхваления. Принятие комплимента означает следование общей предпочтению согласия с собеседником, но при этом нарушает нежелание самовосхваления. Отвергнуть комплимент – попасть в другую ситуацию: последовать предпочтению избегания самовосхваления, но при этом нарушить предпочтение согласия с собеседником. Померанц выделяет две стратегии, позволяющие справиться с этим конфликтом: принижение похвалы (praise downgrades) и сдвиги референта (referent shifts).

Примерами «принижения» могут служить следующие обмены репликами: А. Хороший удар. Б. Ну, не совсем получился. А. Вы хороший повар. Б. Ну это очень просто приготовить. «Сдвиг референта» означает, что реципиент переадресует похвалу кому-то еще. Адресат выходит из конфликта, поскольку у него отсутствует согласие с позитивной оценкой собеседника. Пример, приводимый Померанц: «А: You are a good rower, Honey; В: These are very easy to rower. Very light» [4. Р. 102]. Если проанализировать эти ответы на комплименты, то станет понятным очень важный аспект языка как социального действия: если мы хотим понять, что *делают* слова, то должны выйти за пределы индивидуальных высказываний. В примере Померанц фраза «These are very easy to rower» не является простым утверждением, а становится ответом на высказывание, произнесенное А, и решением «проблемы», которую он им создал. Если мы просто квалифицируем высказывание «These are very easy to rower» как утверждение, то не ответим на интересующий нас вопрос по поводу действенной способности речи.

Люди используют и интерпретируют речевые акты как части более крупных секвенциальных единиц. Смежная пара – это как раз пример такой единицы, в которой смысл каждой части пары объясняется с позиции другой. Представители конверсационного анализа подчеркивают очень важную мысль: прежде всего, необходимо обратить внима-

ние на действия социальных акторов и используемые ими *методы* при решении практических повседневных проблем. Такой проблемой, например, является ответ на комплимент, часто не осознаваемый в качестве такового самими говорящими. А в более широком смысле эта проблема состоит в том, чтобы дать понять собеседнику, что мы осознали происходящее в разговоре в настоящий момент и предвидим дальнейшее течение событий. Смежная пара – это элементарный фрейм, с помощью которого участники разговора показывают результат своего анализа действий друг друга. Каждый участник должен анализировать действия собеседника, чтобы совершить соответствующее ответное действие. Когда говорящий произносит первую часть смежной пары, то тем самым он создает интерпретативный фрейм, внутри которого то, что случится позднее, покажет, в какой степени реципиент осознал и проинтерпретировал первую часть пары.

Невнимание к разговорным секвенциям в ТРА приводит к неверным интерпретациям, к примеру, приветствия. Серль и Вандервекен полагают, что приветствие «Hello» указывает на вежливую форму узнавания. Однако в этом случае упускается большое количество контекстов, в которых появляются приветствия. Это описание Серля не схватывает использование «hello» в телефонных разговорах. Скажем, «hello», произнесенное по телефону, является не указателем узнавания, а ответом на звонок и дает ресурс для звонящего, способного использовать его для узнавания. Об этом пишет Э. Щеглофф в работе 1979 г. «Идентификация и узнавание в начале телефонного разговора» [5].

Родоначальник конверсационного анализа приводит довольно простой пример. «С: Hello (ответ на звонок – ресурс для узнавания). J: Connie? (заявка на опознание звонящим) С: Yeah Joanie (заявка на опознание отвечающим)» [Там же. С. 51]. Созванивающиеся используют первое *hello*, чтобы идентифицировать того, кто отвечает по телефону. В примере звонящий после первого *hello* находится в позиции распознающего. *Hello* – заявка на узнавание. Узнавание осуществляется через использование имени собственного (Connie). В этот момент отвечающий сам показывает, что узнал звонящего. Это вновь осуществляется через использование имени собственного (Yeah Joanie). Если отвечающий по телефону не использует имя собственное, а только лишь приветствие, звонящий может завершить процедуру узнавания и назвать свое имя. Например, А: Hello. В: Hi Bonnie. А: Hi. В: It's Barbie. Последний пример показывает, что приветствие само по себе не обязательно интерпретируется как очевидное узнавание. Таким образом, даже для таких приветствий, как «hi», описание Серля и Вандервекеена не является адекватным.

Секвенциальный порядок очень важен не только внутри каждой смежной пары, но также при отношении между смежной парой и дру-



гими (предшествующими или последующими) единицами. Вся смежная пара целиком может иметь различную силу в зависимости от того, где она появляется внутри всего разговора. Это, например, касается пары *ciao* / *ciao* в итальянском языке в ситуации приветствия. В отличие от использования в англоязычных или испаноязычных сообщениях, в Италии она может быть использована либо в начале, либо в конце приветствия. Например, вот как она используется в качестве приветствия в начале телефонного разговора: G: Pronto (Hello). S: Giorgio? G: Ah ciao (Hi). S: Ciao. Здесь мы определенно можем видеть, что второе *ciao* явно не служит указателем «узнавания» для говорящего S, потому что он уже ранее узнал отвечающего (Giorgio?).

Различие между разговорным анализом и ТРА касается не только методологии анализа, но, прежде всего, разных единиц анализа. Анализ того, что существует до и после высказывания, есть только часть анализа, производимого разговорными лингвистами, исследующими язык как действие. Более важным является понимание разговора как пространства изучения повседневной активности социальных акторов. Рассматривая такую последовательность, как смежная пара, мы способны увидеть то, каким образом устанавливаются фреймы участников коммуникации.

## Выводы

Критический анализ ТРА со стороны лингвистической антропологии и социолингвистики отчетливо демонстрирует различие парадигм, но вовсе не запрещает, а, наоборот, открывает путь к продуктивному диалогу разнообразных подходов к проблеме «языка как действия». Вовлечение ТРА в подобный диалог позволяет сравнить популярную философскую теорию с альтернативными позициями и точками зрения. Несмотря на различие подходов, все они, взятые вместе, позволяют значительно продвинуться в изучении языка как продукта инструмента культуры. Этнографическая программа исходит из идей, индуцированных эмпирическими исследованиями отдельных культурных сообществ, а методология разговорного лингвистического анализа ориентирована на анализ секвенций повседневного спонтанного разговора между людьми.

Наиболее важным возражением со стороны этнографически ориентированного подхода явилось неоправданное акцентирование Серлем определенных аспектов теории Остина, а именно принципов искренности и интенциональности. Разговорные лингвисты же упрекают ТРА преимущественно за недостаточное внимание к перлокутивному акту и разговорным секвенциям. Главный упрек в отношении философской теории состоит в том, что допускаемые ею обобщения осуществляются на основе интроспекции, воображаемых возможных ситуаций при от-

сутствии систематического сбора данных, касающихся реальных социальных взаимодействий. Как правило, философы автоматически допускают универсальность своих рабочих индивидуальных интуиций. К примеру, анализ ритуальных и институциональных речевых актов у Серля и Остина экстраполируется на всю теорию человеческой коммуникации и психологии.

Критическое переосмысление и уточнение ТРА еще в большей степени выявляет сложность проблемы интерпретации речевого поведения человека. Однако же осознание и принятие сложности и многоаспектности вопроса не влекут за собой потерю надежды на его более глубокое осмысление.

### *Литература*

1. *Rosaldo Michelle Z.* The Things We Do With Words: Ilongot Speech Acts and Speech Act Theory in Philosophy // *Language in Society*. 1982. № 11. P. 203–237.
2. *Appadurai Arjun.* Topographies of the Self: Praise and Emotion in Hindu India // *Language and the Politics of Emotion*. Cambridge University Press, 1990. P. 92–112.
3. *Searle John, Vanderveken Daniel.* Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge University Press, 1985.
4. *Pomeranz Anita.* Compliment Responses: Notes on the Cooperation of Multiple Constraints // *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. N.Y. : New York Academic Press, 1978. P. 79–112.
5. *Schegloff Emanuel A.* Identification and Recognition in Telephone Openings // *Everyday Language*. N.Y. : Lawrence Erlbaum, 1979. P. 23–78.
6. *Гураль С.К., Смокотин В.М.* Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация // *Язык и культура*. 2014. № 1 (25). С. 4–13.

### THE SPEECH ACT THEORY IN A CRITICAL MIRROR OF LINGUISTIC ANTHROPOLOGY AND SOCIOLINGUISTICS

**Naiman E.A.**, Doctor of philosophical sciences, Docent, Professor of Tomsk State University, Tomsk Scientific Center SB RAS, IROS (Tomsk, Russia). E-mail: enyman17@rambler.ru

**Abstract.** This article focuses on criticism of the speech act theory by linguistic anthropologists and conversation analysts. Author informed that discussions of speech act theory epitomize some fundamental differences between analytical philosophers and contemporary cultural and linguistic anthropologists. The article concentrates on Michelle Rosaldo's critique based on her fieldwork among the Ilongots. For Rosaldo and other linguistic anthropologists, the goal is to understand how particular uses of language might reproduce of the social order and the notion of person. Rosaldo criticized the following features of speech act theory: a) its emphasis on truth and verification; b) the centrality of intentions in its theory of interpretation; c) its implicit theory of person. From the perspective of conversational analysts, the speech act theory lacks of attention to conversational sequences. By studying the sequential nature of conversational interaction, conversation analysts have improved our ability to think about speech as the product of an interaction, expanding the context of individual speech acts studied by Austin and Searle.

**Keywords:** speech act theory; linguistic anthropology; conversational analysis; language in act; sociolinguistics.